

▪ Библистика и Пудаика ▪

ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

I. Sh. Schiffmann

THE NABATAEAN
STATE
AND ITS CULTURE

И. Ш. Шифман

НАБАТЕЙСКОЕ
ГОСУДАРСТВО
И ЕГО
КУЛЬТУРА

ST. PETERSBURG UNIVERSITY PRESS
2007

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

ББК 63.3
Ш65

Ответственный редактор

А. Г. Лундин

Выпускающий редактор

проф. И. Р. Тантлевский

Шифман И. Ш.

Ш65 Набатейское государство и его культура. Из истории до-исламской Аравии. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. — 208 с.

ISBN 978-5-288-04364-2

В книге подробно освещаются проблемы истории, духовной культуры и быта Набатеи — древнейшего арабского государства на территории Северной Аравии, столицей которого была знаменитая Петра — уникальный памятник древней архитектуры.

Издание предназначено для самого широкого круга читателей.

ББК 63.3

ISBN 978-5-288-04364-2

© Издательство С.-Петербургского университета, 2007

Введение

Набатейское государство, когда-то затерянное в горах и пустынях Южной Палестины и Северной Аравии, малоизвестно и, несмотря на интенсивную археологическую работу, которая ведется уже более полутора столетий, плохо изучено. Такое положение в значительной степени определяется состоянием источников. До нас не дошли произведения набатейских писателей; исторические предания набатеев забыты; города и храмы, построенные набатеями, лежат в развалинах; распаханные ими поля занесены песком; хитроумные приспособления для сбора дождевой воды разрушены. Только в сочинениях греческих, римских и эллинизированных ближневосточных писателей можно встретить случайные упоминания о набатеях, об их удивительном с точки зрения классической древности образе жизни, а также об их взаимоотношениях с соседями. Некоторый, хотя и весьма скудный, исторический материал содержат набатейские надписи.

А между тем Набатейское царство было одним из самых древних и (до возникновения Арабского халифата) значительных арабских государств на территории Передней Азии. Арабских — по единодушному свидетельству античной традиции, арабских потому, что набатеи носили арабские собственные имена, а в языке их письменности (арамейском, как и повсеместно на Ближнем Востоке в I тысячелетии до новой эры и в первые века новой эры) ощутимо влияние повседневной арабской речи. Хотя в середине и второй половине I тысячелетия до

новой эры произошла арамеизация набатейского общества, мы, обращаясь к его изучению, обращаемся к наиболее раннему известному в настоящее время этапу истории арабского народа в момент, когда он вступил в тесный контакт с переднеазиатским арамейским и эллинистическим миром. Не удивительно, что история набатеев привлекает к себе все более пристальное внимание исследователей.

В результате огромной исследовательской работы нескольких поколений специалистов [см. 75; 20; 158, 726–744; 60; 15; 102; 97; 61; 163; 164; 126]¹ были установлены основные факты политической истории Nabatei (хотя, естественно, многие проблемы продолжают оставаться дискуссионными); чрезвычайно существен тщательный искусствоведческий анализ памятников набатейской материальной культуры и установление культурных связей набатеев с эллинистическо-иранским миром.

Большое внимание уделялось и изучению хозяйственной жизни набатеев, главным образом торговли [23; 150; 172]. Усиленное внимание к изучению торговых связей Петры привело к тому, что Петра стала рассматриваться в литературе как «караванный город» [151], почти вне связей и контактов с остальными набатейскими территориями. Несомненно, интенсивная караванная и морская торговля должна была сыграть важную роль в развитии набатейского общества, внося в его облик неповторимые черты. Однако чрезмерное внимание к этой стороне жизни набатейского общества не могло не привести к искажению исторической перспективы. В настоящее время археологическое исследование Негева позволило поставить вопрос о технике и организации набатейского земледелия [123].

Эта большая исследовательская работа является необходимой предпосылкой для разработки ряда общих и специальных проблем истории набатейской и, более того, переднеазиатской культуры. Важнейшими вехами жизни набатеев были переход от кочевого скотоводства к оседлому земледелию, возникнове-

ние антагонистических классов и государства. Своеобразие ситуации состояло в том, что набатеи жили в окружении народов с давними и прочными традициями земледельческого хозяйства, классового общества, государственности. Исследование набатейского общества позволяет более точно представить себе эти процессы в подобных условиях. Nabatei испытали влияние арамейскоязычной и эллинистической ближневосточной цивилизации. Изучение истории набатеев на конкретном материале показывает взаимодействие различных культур и связанные с этим этногенетические процессы, оно открывает пути к более углубленному изучению того сложного историко-культурного явления, которое условно называют эллинизмом.

В предлагаемой работе автор стремился представить, по возможности полно, набатейскую культуру во всех ее проявлениях и определить основные этапы и наиболее характерные черты развития набатейской культуры, ее место в истории переднеазиатской эллинистической и арабской культур.

---

¹ Обзор современного состояния науки см. [166].

Глава I

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАБАТЕИ

Основные сведения по истории набатейского общества дошли до нас в трудах и компендиумах Диодора, Страбона и Иосифа Флавия.

В «Исторической библиотеке» Диодора повествование о набатеях раннеэллинистического времени органически связано с рассказом о неудачных походах Антигона (одного из преемников Александра Македонского) на юг Палестины. В настоящее время можно считать установленным, что подробное и, безусловно, достоверное изложение истории диадохов восходит у Диодора к какому-то авторитетному историческому труду, составленному современником этого периода, — возможно, к сочинениям Иеронима из Кардии [159, 684–685]. К этому источнику должны восходить и сведения Диодора о набатейской экспедиции Антигона.

Еще одно описание набатейского общества имеется во второй книге Диодора. Главы, посвященные собственно Аравии, которые следуют здесь непосредственно за отрывком о Набатее (Diod., II, 49–53), обычно возводят к сочинению «Об Азии» известного географа II в. до н. э. Агафархида [159, 672]. Но, если так, нет ничего невозможного в том, что и рассказ о Набатее также восходит к Агафархиду. Однако, если принять во внимание некоторые точки соприкосновения между Diod., II, 48 и Diod., XIX, 94 и сл., можно предложить иное решение вопроса. В обоих отрывках отмечаются пустынность Набатей, недостаточность водных ресурсов, вольнолюбие этого народа, не-

возможность вследствие неблагоприятных природных и иных условий одержать над ним окончательную победу. Эта общность идей и концепций дает, по-видимому, возможность предполагать, что и тот и другой рассказ восходят к одному источнику; при этом не исключено, что у Агафархида был также учтен соответствующий материал из источника времени диадохов.

В «Географии» Страбона, где экскурс о Набатее составляет органическую часть рассказа о Сирии, сохранились ценные сведения по экономике, социальной структуре и политической организации набатейского общества. Страбон ссылается на свидетельство, вероятно устное, стоика Афинодора из Каны (Малая Азия; Strabo, XVI, 21)¹. Возможно, Страбон воспользовался и рассказами участников похода Элия Галла в Южную Аравию, а также официальными сообщениями по этому поводу.

Значительное место уделено Набатейскому царству в исторических трудах иудейского писателя I в. н. э. Иосифа Флавия, которого история арабов вообще и набатеев в частности интересовала лишь постольку, поскольку они так или иначе входили в соприкосновение с Иудеей. Это, естественно, привело к односторонности изложения, тем более что Иосиф Флавий отнюдь не свободен от апологетической проиудейской тенденции. О внутренней жизни Набатей имеются только случайные упоминания. Не рассматривая здесь достаточно сложного вопроса об источниках Иосифа Флавия [ср. 158, 78–80], заметим следующее. Как показало открытие надписи [165], содержащей семитское название Петры — Ракму [rqmw], упоминая Рекема, предполагаемого основателя и реального эпонима Петры (Fl. Ios., Antt., 4, 161), Иосиф Флавий обнаруживает несомненное знакомство с набатейской традицией.

Определенное значение для нашей темы имеют немногочисленные и в общем случайные упоминания о Набатее у Плиния Старшего, Помпея Трога (до нас его сочинение дошло в пере-

---

¹ См. об этом философе [32, 2045].

ложении Юстина), Тацита, Плутарха, Диона Кассия, а также в «Перипле Эритрейского моря»² и в сборнике «Авторы жизнеописаний Августов» («Scriptores historiae Augustae»). Исключительный интерес представляет упоминание в древнекитайских источниках местности Ли-Кан (что соответствует форме Рекем, иначе говоря, Петра) как одного из конечных пунктов Великого шелкового пути из Китая на Ближний Восток [122, 133–135].

Первые сведения о развалинах Петры и других набатейских поселений поступили в Европу в начале XIX в. от путешественников, изучавших Сирию, Палестину и Заиорданье [45; 95; 40; 153]. Раньше других европейцев долину Вади-Муса посетил летом 1812 г. швейцарец И. Л. Буркхардт; ему принадлежит отождествление развалин, найденных здесь, со столицей Nabatean Kingdom. В середине и во второй половине XIX в. начинают появляться труды, в которых есть попытки на-

---

² Традиционная датировка «Перипла Эритрейского моря» (I в. н. э.) была подвергнута радикальному пересмотру в трудах Ж. Пиренн [137, 441–459; 138, 167–193]. Основываясь на отождествлениях некоторых персонажей, упоминаемых в этом памятнике, с южноаравийскими и индийскими царями, она предложила датировать «Перипл» концом II в. н. э., исходя из гипотезы, что упоминаемый в § 19 этого памятника царь набатеев Малик, живущий в Петре, правил уже после создания в 106 г. н. э. на землях, принадлежавших Nabateans, римской провинции Аравии (аналогичную точку зрения см. также [61, 55]).

Точку зрения Ж. Пиренн поддержали П. Левек [110, 231–235], а также Ф. Альтгейм и Р. Штиль [31, 40–43]. Оставляя в стороне все прочие наблюдения Ж. Пиренн, разбор которых вне нашей компетенции, заметим следующее. Как показывают документы из архива Бабаты, а также надписи из Петры, после образования римской провинции Аравии Петра превратилась в обычный имперский город с традиционной для эллинизированных полисов организацией управления; о царях источники в этой связи не сообщают. К тому же в составе Римской империи сохранение чьей бы то ни было царской власти вообще было немислимо: царства, зависевшие от Рима, никогда формально в Империю не входили. Поэтому, какова бы ни была датировка «Перипла» в дошедшей до нас редакции, ситуация, представленная в его § 19, не могла иметь место после 106 г. н. э.

учного описания памятников материальной культуры Южной Палестины и Заиорданья, в том числе и набатейских [176; 83; 65]. Исключительную роль в археологическом обследовании территорий, находившихся под властью набатейских царей, сыграли экспедиции Р. Дюссо и Ф. Маклера [59], Р. Е. Брюнова и А. фон Домашевского [44], А. Музиля [124; 125], А. Жоссена и Р. Савиньяка [96]. В 30–60-е годы текущего столетия обширный новый материал был добыт Н. Глюком [68; 73; 74]. Особое внимание уделялось и уделяется Петре, основы научного изучения которой заложил Г. Дальман [55; 56].

В результате этих исследований удалось выявить большое число набатейских поселений (только в Заиорданье — более пятисот), открыть храмы и погребальные сооружения. А это позволило поставить вопрос об особенностях и путях развития набатейской архитектуры, исследовать Петру [133, 5–16; 52; 78a, 29–32], а также набатейские города Хегру, Мампис и 'Ободат [128; 118–148; 127] и, наконец, экспериментально определить продуктивность набатейского земледелия на территории Негева (Южная Палестина) [123; 185, 141–154]³. Однако самым важным итогом было открытие многочисленных набатейских надписей; особую роль в их копировании и публикации сыграли М. де Вогое, Ю. Ойтинг, М. Юбер, Ж. Старки⁴.

По содержанию набатейские надписи делятся на надгробные, посвячительные, подписи к почетным статуям. Хотя эти источники, как правило, немногословны и их составители скованы рамками трафаретной фразеологии и стандартного построения, они содержат ценный конкретно-исторический материал.

Вторая половина 50-х — начало 60-х годов текущего столетия были ознаменованы важнейшим событием в истории набатееведения — открытием деловых документов, составленных на арамейско-набатейском языке. Первая публикация такого рода принадлежит Ж. Старки [162, 161–168; 1, 123]. В изданном

---

³ Публикация проф. Н. Тадмора и его сотрудников нам недоступна.

⁴ Историю открытия набатейских надписей см. [48, I, 13–25].

документе, весьма фрагментированном, фиксируется сложная операция по выкупу взятого ранее в счет долга сада. Происхождение документа оставалось издателю неясным; датировка также могла быть только предположительной.

В 1962 г. И. Йадин сообщил о находке в почти недоступной «Пещере писем», неподалеку от населенного пункта Эн-Гедди, у восточного берега Мертвого моря, целой серии документов, названной по имени их владелицы и главного действующего лица архивом Бабаты [190, 227–257; 191, 204–236; ср. 6, 120–130; 106]. Последняя, очевидно, во время разгрома римлянами восстания Бар-Кохбы скрывалась в пещере (напомним, что Эн-Гедди и прилегающий к нему район был важным опорным пунктом повстанцев) и там погибла. Наряду с актами, составленными на арамейском и греческом языках, здесь имеются и набатейские, датированные правлением последнего местного царя Раббэля II; они фиксируют разного рода имущественные сделки. После открытия архива Бабаты стало ясно, что и папирус, опубликованный Ж. Старки, вероятнее всего, принадлежит этому собранию.

Значение этих документов трудно переоценить. Они позволяют не только установить характер деловых операций, о которых в каждом отдельном случае идет речь, но и восстановить историю довольно зажиточной семьи в области, находившейся под властью набатейских царей, а после гибели Nabatean Kingdom — под административным контролем Петры. Нужды нет, что в данном случае речь идет об иудеях: судя по публикациям Ж. Старки и И. Йадина, в деловой жизни этих людей нет ничего специфического, что следовало бы объяснить их иудейским происхождением. К тому же собственно набатейские документы составлены, бесспорно, в соответствии с нормами, принятыми набатейской канцелярией, и с законами, действовавшими на территории Nabatean Kingdom.

Эти материалы позволяют также установить формуляр набатейских деловых документов и его происхождение. Наконец, они позволяют по-новому подойти к изучению набатейского языка и палеографии теперь уже не только надписей, но и рукописей. Именно поэтому хотелось бы выразить надежду на ско-

рую публикацию архива Бабаты и сожаление по поводу того, что наши знания о нем пока основываются почти исключительно (если не считать публикации трех греческих документов, выполненной Х. Полоцким) на информационных, правда, очень содержательных, статьях И. Йадина и Х. Полоцкого. Важным источником истории Nabatean Kingdom являются монеты, позволяющие установить титулатуру набатейских царей, их последовательность, политические симпатии, а также культурные влияния, которые испытало набатейское общество.

Summary

The Nabataean State and its culture (from the history of the culture of pre-islamic Arabia)

All investigations in the history and cultural history of the Nabataeans present a considerable interest for the Nabataean kingdom was one of the earliest and largest pre-islamic Arabic states. It has played a significant role in the formation of the Arabic civilization and in the history of Arabs. It is sufficient to mention here the fact that modern Arabic script goes back to that of the Nabataeans. As for Nabataeans themselves they were under the influence of the Aramaic and Hellenistic cultures of the Near East. Study of the Nabataean civilization shows a reciprocity of three different cultural traditions and the formation of a new syncretic culture.

It seems that the Nabataeans first appear in Southern Palestine and in Northern Arabia in the first half of the 1st millennium B. C. Despite the opinion of several scholars we suppose that Nabataeans (nbṭw) should be identified with the Biblical nēbayōt. The development of their ethnonym caused «y» to drop in the position between two vowels and «t» changed to «ṭ». At the end of the 4th cen. B. C. Nabataea was invaded by the army of Antigonos, one of Alexander Diadochs, but he was unable to establish his power here and Nabataea remained independent.

During numerous wars with the neighbours in the 3rd-2nd cen. B. C. the Nabataean kingdom seized a vast territory expanding on the peninsula Arabia to the harbour Leuke-Kome and Hegra, Negev in Southern Palestine and vast territories beyond Jordan, and Damascus in Syria. It was at that period that the greater part of Nabataeans turned from nomadic cattle-breeding to a settled life of land-cultivators. In the middle of the 1st cen. B. C. Nabataea became dependent from Rome, but it retained a semblance of independence and a ruler of its own: The kings of Nabataea strived

to enlarge the limits of their independence. They took the titles resembling to those of the Hellenistic kings to show their political independence from Rome. The Nabataean rulers brought the Roman expedition in Southern Arabia to a failure. In the second half of the 1st cen. A. D. some territories of Nabataea were invaded by the bedouins and it was only through the deeds of the last king of Nabataea, Rabbel II, that the power of Nabataea was reestablished here once more; thus his title: «the one who brought to life and saved his people». We can suppose that Rabbel II wished to transfer his capital from Petra where the tribal institutions — the council and the assembly — were quite strong, to Bosra and so to consolidate his power as an absolute ruler. In the year 106 A. D. Rome put an end to the independence of Nabataea and annexing its territories formed Provincia Arabia.

As we have already mentioned the Nabataeans remained nomadic people as far as the 3rd-2nd cen. B. C. Their law prohibited the erection of houses, planting of trees etc. Only during the 3rd-2nd cen. B. C. they have turned to a settled life. Their main occupation being terraced farming, they used subterranean and rain-water for irrigation. Archaeological experiments carried in the Negev have shown the high efficiency of Nabataean farming. Excavations of separate agricultural complexes at Negev show that the middle farms formed the major part of the farms, though there were big as well as small ones. Different crafts flourished in Nabataea — manufacturing of garments, ceramics etc. as well as the art of building. As far as we can judge by the remains of Nabataean houses which have been found at Hauran, they resembled fortresses, often with turrets, that served as a defence against the bedouins. The ground-floor was used to keep cattle, and the first and second — for living. Nabataea was an important international trade-centre. There is a belief that Nabataea was the terminus of the Silk-way that led from China to the Near East. From Southern Arabia the goods were conducted by land and by sea to Nabataea; the searoute laid through the harbour Leuke-Kome where there was a Nabataean garrison. Here the tax (0,25) was imposed. From Petra the goods were transported to Gaza, where they were taxed again, but already by the Roman functionary.

The foreign observers mark that slaves were not numerous in Nabataea. As far as one can judge there survived the tribal system,

e. g. the king had to report regularly to the assembly on his life and conduct; feasts were given by the king to his close and bodyguards (survival of the customs of the man-bound). The free members of the community lived in the circumstances of dependence formed by the relations of mutual aid and protection. Legal institutions in the Nabataean society were those common to all the countries of the Near East. A most important feature was a considerable freedom of women in the family and in the community.

The Nabataeans by origin were Arabs; the proper names and separate glosses in the inscription show that they spoke Arabic. But already in the middle of the I millennium B. C. they adopted the Aramaic, the common language of all the Near East, as their literary language.

The religion of the Nabataeans was a mix of religious cults of Arabs proper (the most important is that of Dushara and Shay' al-Qaum — the beduin god „that drinks no wine”) and those common to all the nations inhabiting the Mediterranean coast of the Near East (Zeus-Hadad, Atargatis and others). We can find here the hellenistic cults, e. g. that of Tyche. In the Nabataean temple-architecture was prevailing the Syrian fashion.

We can judge the Nabataean architecture by the remains of the rock-sepultures copied the main features of the houses structure (with turrered roofs) and by the hellenistic temples and residential quarters (Kaşr and others). The Nabataean architects tried by all possible means to reproduce the feeling of space and depth.

In the fine arts the Nabataeans developed the hellenistic subjects.

We know nothing about the Nabataean literature, but it is not excluded that one of the narrations about the voyage to the Isles of the Blessed was composed by a native of Nabataea.

After the year 106 A. D., when the Roman Provincia Arabia was founded, the Nabataeans merged with the rest of Aramaic population of Syria and Palestine. In the late Arabic the word „nabataean” was used to indicate the Arameans — the indigenous population of the Near East — as an antipode to the Arabs proper. But the civilization of Nabataea did not vanish without a trace; it laid the foundation for the magnificent edifice of the islamic Arabic culture.

Содержание

Введение	5
Глава I ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАБАТЕИ	8
Глава II ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	14
Глава III ОБРАЗ ЖИЗНИ	37
Глава IV ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА	66
Глава V К ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАБАТЕЙСКОГО ПРАВА	81
Глава VI НАБАТЕЙСКИЙ ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ	87
Глава VII РОМАН О ПУТЕШЕСТВИИ ЙАМБУЛА К «ОСТРОВУ БЛАЖЕННЫХ» И ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ НАБАТЕЕВ В ФОРМИРОВАНИИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	105
Глава VIII НАБАТЕЙСКИЙ ПАНТЕОН И РЕЛИГИОЗНАЯ ОБРЯДНОСТЬ	111
Глава IX НАБАТЕЙСКАЯ КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА	130
Глава X СКУЛЬПТУРА И ЖИВОПИСЬ НАБАТЕЕВ	164
Заключение	174
Список сокращений	176
Список цитированной литературы	178
Список иллюстраций	189
Иллюстрации	191
Именной указатель	193
Указатель географических и этнических названий	199
Summary	204

Научное издание

Илья Шолеймович Шифман

**НАБАТЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ЕГО КУЛЬТУРА**

Выпускающий редактор
проф. *И. Р. Тантлевский*

Директор Издательства СПбГУ
проф. *Р. В. Светлов*

Главный редактор
Т. Н. Пескова

Корректор *Т. М. Кожурина*
Макет *Ю. Н. Дрюкова*
Обложка *Е. А. Соловьевой*

Подписано в печать 23.07.2007. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,92 + 1,68 вкл. Тираж 1000 экз.
Заказ № **388**.

Издательство СПбГУ.
199004, Санкт-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21.
Тел. (812) 328 9617; факс (812) 328 4422
editor@unipress.ru; www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21, к. 21.
Тел. (812) 328 7763; (812) 325 3176
post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41